

Часть 9. Расстрелянный город

Той ночью Вадим находился в каком-то пограничном состоянии – ни сон, ни явь. Сказались впечатления прошедшего дня от всего увиденного и услышанного, и тревожное ожидание дня грядущего. За распахнутыми окнами их гостиничного номера, где-то на улицах Тирасполя в тихом сумраке душной южной ночи коротко прострекотало несколько автоматных очередей – город-то прифронтовой. Лишь под утро Вадим мягко погрузился в сон – липкий и тягучий.

...Вдоль Ангары, стреляя и приближаясь к мосту, чадя клубами дыма, плыл горящий ярким пламенем бронетранспортер, оставляя на хрустальных волнах кровавый шлейф. По мосту, навстречу сверкающему на солнце ярко-оранжевому лесовозу-длинномеру, сверкая зубьями траков, шел «Тигр» и ... веселая цыганская свадьба. Все были в пёстро-красных одеждах, всех встречных людей угощали спелой, истекающей то ли соком, то ли кровью, вишней...

Разбудило беспечное чириканье птички, сидевшей на перилах балкона. Утренняя прохлада только-только стала сходить с настороженно притихшего Тирасполя. Вадим заметил, что Влад тоже уже не спал, а из душевой был слышан плеск воды – это Славка умывался. Проснулись без будильника. Видимо, и у них ночь прошла так же. Но состояния тяжести, усталости не было. Надели отглаженные камуфляжки. Застегнули свои сумки. Сообразили немудреный завтрак. Перед выходом, помня «домашнее» наставление отца Александра, прочли псалом «Живый в помощи».

«...Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тьме преходящая, от сряца и беса полуденного...»

По обычаю, присели «на дорожку»... Помолчали. Пора! Провожаемые лишь скорбным взглядом молчаливой «администраторши», из гостиницы вышли пораньше – честно говоря, хотелось посмотреть город. На тихих улицах в сей ранний час, ещё отдающий ночной свежестью, встречались лишь редкие прохожие.

Просторный и чистый, очень зелёный и необычайно светлый город. Днестр – широкий, неторопливый, пахнущий утренней свежестью воды – такой вполне мирный. Ухоженная набережная, плакучие ивы, тянущиеся по-над рекой, аккуратные кустики и подстриженные газоны. И цветы, цветы, цветы – клумбы повсюду! Прифронтовой город? – трудно верилось...

...Площадь перед Верховным Советом. Массивным красно-коричневым каменным идолом возвышается «вечно живой». Напротив - мемориал павшим в Великой Отечественной войне. На пьедестале «тридцатьчетвёрка». Вечный огонь. Гранит. Но часть плит снята – на этом месте похоронены десятки первых погибших защитников Приднестровья. Почтили их память по-православному. Низкий вам поклон, Царствие Небесное, и вечная молитвенная память!

В штаб Черноморского казачьего войска прибыли чуть загодя назначенного времени. Во дворе их уже поджидал земляк – сотник Бальбуциев, оповещенный еще накануне о прибытии новой группы иркутян. Как же были рады встречи с ним! Но... – что-то изменилось в нем, он уже был не тот. Скупая улыбка, уставший тихий голос и потухший взгляд из-под тяжелых век, – а где же былой Сашка, которого знали по Иркутску? Это война – и его, знакомая всем жизнерадостность канула, видимо, где-то в окопах под Кошницей, при штурме моста и улицах Бендер...

В «оружейке», что находилась в небольшом кирпичном сарайчике прямо у дверей штаба, стали получать оружие. Выдавал его, в обмен на паспорт и военный билет, пожилой казак в маскировочном «комбезе» и с большой жесткой кобурой на ремне. Автоматы АК-74 были в густой смазке. У некоторых на стволах, заметили, проглядывали небольшие рыжие «проплешины» свежей ржавчины. С улыбкой поинтересовались: – Откуда такое «добро»? Неужто армия от щедрот своих?..

- Ага!.. От 14-й-то?.. – возмущенно вспылал оружейник, вскрывая очередной зеленый ящик. – От Неткачева мы хрен что дождемся! – и хмуро добавил: – Если б не Руцкой... И спасибо Макашову, а то бы и этого не было...

«Странно, – услышав это, отметил про себя Вадим – относительно Макашова у него был свой взгляд: авантюрист с необольшеви́стским уклоном, экстремист и отъявленный антисемит – «три в одном флаконе», – отставной генерал-полковник и завзятый матершинник. – Но, может, я что-то в этом вопросе не «догоняю»? Но всё же... Отталкивающе странен и страшен сей патриот – от него же за версту новым «красным террором» несёт!..»

Вадим не без доли удивления взглянул на Славку. Он, внимательно осмотрев полученный «ствол», медленно и нежно, от цевья до приклада, будто по прелестным изгибам женщины, провёл ладонью по его «телу». И как-то задумчиво, в полголоса проговорил:

- *Когда тебе вручают автомат,
И ты его почти ласкаешь,
В душе таинственность такая,
Как будто смерти чьей-то рад.* [*7].

- Чего говоришь?.. – не поняв, откликнулся из угла «начальник ружпарка».

- Стих есть такой, – ответил Славка. – Про войну. Это один наш казак-иркутянин написал. «Корреспондентом» его тут звали, или «Советником». Знал такого?

- Ну а то как же – Игоря-то!?! – казак недоуменно, мол, нашел о чем спрашивать, развел руками, и уже совсем другим тоном, как-то по-родственному, спросил «новичков»: – Ну что, сыны Байкала, кто из вас хорошо стреляет? – наклонился к другому ящику. «СВД, наверное», – подумал было Вадим и, только хотел ответить, но так и застыл с открытым ртом – в руке оружейника увидел ...старый обшарпанный АКМ с затёртым до белёсого блеска стволом и нещадно исцарапанным прикладом. Да ещё с побитым цевьём, перевязанным синей изолентой.

- Давай мне, – неожиданно к автомату протянул руку Смолин.

- Бери, братушка, не пожалеешь. Машина – зверь! – это казак произнес с явным восхищением.

«А ствол-то, видать, с богатой судьбой», – отметил про себя Вадим, увидев глубоко выцарапанную на прикладе АКМа надпись: «Прости меня, Господи!»

К автомату каждый получил подсумок с тремя магазинами, четвёртый – в карман, так сказать, в придачу. И ещё штык-нож. Им, конечно, и дерьма не разрежешь, но остриём брюхо вспороть, либо консервную банку проткнуть или проволоку какую перекусить – это запросто.

- Гранаты вон там возьмите, – кивнул на угол «баталер». Так, на морской манер, его назвал кто-то из своих. – А рундучки свои здесь сложите, – это он про сумки. – ...Да не берите вы столько гранат! Надо будет, в Бендерах насобираете, уж этого-то добра там навалом. Лучше возьмите по парочке вот этих... – он откинул крышку другого ящика. Там лежали матово-зеленые трубы – телескопические реактивные противотанковые гранатометы одноразового применения РПГ-18 «Муха». – Пользоваться-то ими хоть умеете?..

- Теоретически... Научимся!.. – вразной прозвучал ответ.

- Патронов больше берите. ...Сколько унесете. Кто старший группы?

- Я, – Вадим приподнял свою ладонь.

- Ходи сюда, командир. На!.. – протянул большую потертую кобуру с запасной обоймой и три пачки патронов. – Вдруг да пригодится. Пистолеты здесь – дефицит, это мечта каждого. Считай, что этот, так сказать, подгон по благу, из личного уважения к сибирякам.

«Ого!» - открыв кобуру, Вадим вытащил увесистый «ТТ». Их он видел только в кино.

- Надежный «дырокол», – похвалил «баталер» «ствол». – Венгерский. По случаю раздобыли. Трофейный. ...Ну всё, сибиряки, вот вам масло, вот ветошь – драйте автоматы. Вот там, на «баночках» – показал он рукой на небольшие дощатые скамейки. «Видать, бывший моряк, – заметил Вадим, – так и сыпет морскими терминами». – Да маслёнки свои не забудьте наполнить!..

Где-то через полчаса были готовы. Оружие почищено, магазины заряжены, подсумки загружены, индивидуальные перевязочные пакеты и кое-что из боеприпасов рассовали по карманам, «Мухи» – на ремнях за плечом. Все документы сдали «баталеру». «Как в разведку за линию фронта идем», – сказал кто-то из парней. С собой оставили лишь пару спортивных сумок. В одной – на всех: самый минимум белья, полотенца, туалетные принадлежности. В

другую, побольше, загрузили сухой паёк, медикаменты и несколько «цинков» патронов. Бальбуциев тщательно проверил их оружие, экипировку и загрузку.

Девчата – кухарки, ну ни в какую не хотели отпускать их без плотного завтрака: – Бог весть, ребята, когда там у вас обед будет, да и горячего-то, когда еще придется поесть...

От Тирасполя до Бендер чуть более десятка километров. Повернув за угол штаба, вышли на дорогу, решили добираться на «перекладных»... Показался автобус КАВЗик. Пустой. Бальбуциев «голоснул», подняв руку. Водитель притормозил. Услышав, куда нужно, без слов мотнул головой - садись, поехали. Хотя, как после выяснилось, ему нужно было в другую сторону.

Светлой шершавой полосой под колёсами летит асфальт, всё дальше отбрасывая за корму автобуса их прошлое. Казаки с интересом смотрели по сторонам. Вот их КАВЗик проезжает мимо какого-то длинного белого кирпичного забора, тянущегося вдоль трассы, за ним видна зачехленная военная техника, стоящая плотными рядами: самоходные зенитно-ракетные комплексы «Оса», а вон там густым частоколом выглядывают стволы гаубиц.

- Это «Белые казармы», – поясняет водитель, – российская 14-я армия... Люди гибнут, а эти... – высказался он чисто по-шоферски. – Сидят тут... по уши в своем «нейтралитете». – Громкий смех казаков был ответом и поддержкой данной им точной характеристики.

Показалось большое село. Это Парканы. Болгарское село. Добротные дома, зелень садов – красивое. ...Было. По нему война тоже прошла. Молдавская артиллерия била по мосту и по левому берегу, чтоб отрезать осажденным Бендерам помощь из Тирасполя. В этом селе, стоящем сразу за мостом, вспыхнули пожары, артобстрелами разрушены и сгорели почти два десятка домов, есть убитые и раненые. Снаряд гаубицы попал и в школу-интернат, где были дети... Проезжая, парни увидели снесенные крыши, исковерканные взрывами сады, в стенах многих домов зияли дыры, видимо, от снарядов-болванок, перебитые или державшиеся на одних лишь проводах и честном слове, железобетонные столбы.

22 июня название «Парканы» прозвучало по всему миру – на село упали бомбы с самолетов ВВС Молдовы – 6 человек погибли, 14 были ранены. А накануне ночью землю потряс мощнейший взрыв – на территории инженерно-саперного батальона, перешедшего под юрисдикцию ПМР, взлетел на воздух минный склад. Говорят, что это дело рук молдавских диверсантов – мало кто в этом сомневался. Тогда погибло 26 военнослужащих.

Вот он – Днестр. С пригорка показался мост. Вернее, их два. Почти вплотную с полотном нового автомобильного высятся старые металлические фермы железнодорожного моста. Сразу за рекой – Бендеры, видны его дома, набережная, и... дым над городом. Дорога пошла вниз, уходя под насыпь железнодорожного пути. Сбавив обороты двигателя, и постоянно притормаживая, автобус объезжал многочисленные воронки.

...Как в знакомых с детства фильмах о той войне, «прикрывая переправу», задрал в небо стволы, стоят зенитки. Навстречу нескончаемым потоком идут-бредут люди, в основном женщины и дети, с сумками, котомками, колясками. У кого белый флаг, у кого вместо флага на плечи накинута белая полотенце или наволочка... Парни уже знают – это знак беженцев. Перед мостом у Парканского виадука беженцев уже ждали автобусы и грузовые машины.

И тут внимание парней привлек плотный ряд автомобильных фур-рефрижераторов, стоящих чуть в стороне у моста. «А это что? Зачем?..», – спросил кто-то недоуменно. И тут же получил ответ:

- Там трупы. Из Бендер привозят. Постоянно. Много безымянных. Все морги уж забиты. Побывал я вчера в одном, - задумчиво проговорил Бальбуциев. – Жуть. Стеллажи по стенам, а на стеллажах люди – трупы друг на друге, вповалку, в три-четыре слоя... Вот пока и хранятся здесь, покуда в моргах места ни освободятся. ...Или когда родственники найдут, опознают и похоронят.

Автобус въехал на мост. Перед глазами довольно красочная, почти по Верещагину, картина войны, навевающая тревогу и нудящую душевную боль.

...Прострелянные и поваленные металлические опоры троллейбусной линии, сгоревший «Икарус», разбитые и валяющиеся в беспорядке железобетонные блоки импровизированного

дота, разваленные укрепления и выпотрошенные взрывом мешки с песком, искореженное дорожное ограждение, разное тряпьё, кучи пепла, и...звонящий шорох под колесами – весь мост усыпан гильзами.

- Смотрите – танк!..

Вернее, то, что от него осталось – многотонная груда искореженной и обугленной брони. Башня сорвана взрывом боезапаса, перевернутая, лежит тут же. А вон там еще один – наш. Стоит, развернувшись в сторону Паркан, понуро опустив ствол пушки к земле.

«...Он приполз – задымленный и страшный,

Погасив броней удар под дых,

Как ползет солдат из рукопашной,

Чтобы умереть среди своих...

Танк, смертельно раненный в атаке,

Полз к своим, как видно, неспроста –

Ведь не зря скребли, как пальцы, траки

По асфальту взятого моста», – сильнее, чем написал о том бое Николай

Смирнов в «Балладе о мертвом танке», не скажет никто...[*11].

- Вот тут наш Сережка погиб... – Бальбуцийев показал взглядом.

...Трагедия, разыгравшаяся в Бендерах, сорвала вахмистра Сергея Васильева с тираспольской госпитальной койки. Он, иркутский парень, еще не доехав до Приднестровья, на себе в полной мере почувствовал, что за штука такая – национализм, напрочь замутивший рассудок вчерашних «братьев-соседей».

С днем выезда «приднестровской» группы из Иркутска Сергей припоздал. Так случилось, что перед этими днями у него планировалась свадьба, поэтому он задержался с выездом на пару дней. Задержался, чтобы все до конца обдумать и перенести её на «после победы». Сергей оставил невесту ждать, получил благословение у бабушки – и на войну!

«Ненька-Украина», через которую лежал путь в Тирасполь, встретила его подло: в одесском аэропорту к нему подошли трое, один из которых был в милицейской форме. Сам вчерашний сержант милиции, Васильев запросто заговорил с ними, постояли вместе, покурили. Полный эйфории, Серёга бесхитростно и рассказал им: откуда, куда и зачем он едет. И вдруг внезапный удар ногой в висок... Он – рукопашник «русского стиля», даже не успел среагировать на этот удар исподтишка и упал замертво.

Черепно-мозговая травма, проникающее ранение глаза... знаменитая Филатовская клиника, сложная операция... Глаз ему спасли, но зрение оставалось под вопросом. Предстояло длительное лечение. Но на второй день после операции из одесской клиники он сбежал – спешил на войну, которая опять шла без него! Он привык быть здоровым, поэтому был уверен, что травма «пройдет», а пока сможет повоевать и так. «...Левый глаз – в минусе, но целиться-то мне - правым!» - с деланной бодростью говорил он. Сильные головные боли уже на другой день уложили его в тираспольский госпиталь. Там товарищи по палате, узнав историю его ранения, и предположили: «Бурундуки», наверное, были...». «Бурундуки» ?..- Сергею странно было слышать, что такое название носили диверсионные группы молдавской разведки. Ну никак в его сознании террористы не вязались с маленькими забавными полосатыми зверюшками, коих так много в лесах Сибири!

Там же в госпитале он и стал «Нельсоном» - за перевязанный глаз. Но на это не обижался. В Приднестровье почти у всех казаков были прозвища-«кликухи» - так сподручнее: в бою некогда именоваться по фамилии – получается длинновато, а одни и те же имена могут носить несколько человек. Сказывалось тут и нежелание многих «светить» свои фамилии, так как ходили упорные слухи, что в недрах ельцинской администрации «молодые реформаторы» готовят указ о признании добровольцев международными террористами и наёмниками с обещанием «повесить» каждому соответствующий срок – это они уже предварительно опробовали на нескольких парнях, воевавших в Сербии. Так придерживающие власть, чтобы скрыть свой же иудин грех, припомнили их непокорность.

В одной палате с Васильевым с загипсованной ногой лежал небольшого росточка чернявый, со сталью в глазах, украинец – Виктор Притула – со смешным прозвищем «Миксер». Почему его так прозвали, мало кто знал: то ли за маленький рост, хриплый голос и быструю, чуть ли не скороговоркой, речь, то ли за то, что был «як фургалю», при всей его серьезности и даже суровости. Слово Притулы при любом разговоре в палате было решающим, хотя он и не стремился быть главным. Сильную натуру в нем чувствовал каждый. Даже главврач лишь ему негласно разрешил держать под матрасом автомат – для самообороны. И на то были причины. Фамилия командира этого разведвзвода была напечатана в кишиневских газетах среди тех, кого президент Молдовы Мирча Снегур объявил военными государственными преступниками, Притулу же он внёс в список личных врагов...

«...Журавли улетели, журавли улетели,

Отшумели, затихли, опустели поля.

Лишь оставила стая среди бурь и метелей

Одного с перебитым крылом журавля...», – после этой, любимой в их палате, песни, Сергей часто уходил к столику дежурной сестры. Сначала думали, что он стал ухаживать за симпатичной блондинкой Наташей – тираспольской полячкой, но потом оказалось, что у настольной лампы дежурной он писал письма.

Как узнали уже после войны, Сергей рассказывал в них о друзьях по палате, получивших ранения в боях, о Викторе Притуле и о рейдах казаков его геройского разведвзвода. Читаешь, и в его рассказах рядом с ними представляешь самого Сергея. Васильев не приписывал себе ничьи заслуги, хотя объяснял свою госпитализацию боевым ранением – он просто ярко и ясно рассказывал о приднестровской войне, до которой реально никак не мог дотянуться. Это были возвания к друзьям, оставшимся в Сибири. Его письма сегодня в школах надо читать!

У Сергея Васильева были все шансы остаться в живых. В госпитале ему передали приказ атамана ИКВ Николая Меринова возвращаться домой, в Иркутск. Никто из парней иркутской группы и не знал, что неунывающий, бесконечно добрый Серёга Васильев, узнав о Бендерской трагедии, вслед за Притулой – в одном порыве со всеми! – враз вдруг выздоровевшей в палате доброй половине казаков и гвардейцев, сбежал на передовую. На штурм моста он рванул, вооруженный лишь двумя одноразовыми гранатомётами «Муха» – ну, не хватало всем автоматов! Только один раз успев выстрелить по вражескому БТРу, Сергей погиб от разрыва мины. В первом же – таком долгожданном! – для него бою, на войне, к которой так стремился. Подвиг он, собственно, не совершил... Но разве? Ведь *«болиши сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя»!* Это Иисус Христос сказал... [*8].

Вахмистр Сергей Васильев погиб 20 июня, ему было 22 года... Вахмистру Олегу Халтурину, немногословному, небольшого росточка, ладному родовому забайкальскому казаку было 28. Сергею Корабельникову – «Огоньку», ныне – побратиму всему Иркутскому войску, с которым Олег не вернулся из разведки – 21...

...Вот и конец моста. Автобус, развернувшись на «пяточке», остановился, дальше не пойдет - опасно. Да это и сразу понятно – видно и слышно. ...Где-то вдали бухают редкие разрывы, а слева, над южной частью города, волнами колыхнется несмолкаемый шелест автоматных очередей.

- Ну, всё, казаки, дальше уж пешком. Удачи вам, и Бог в помощь! – открыв дверь и прощаясь, «водила» каждому крепко пожал руку. Немного отъехав, вновь остановился и стал собирать беженцев – на тот, «мирный», берег.

- ...«Утро на Курской дуге», – смотря по сторонам, еле слышно произнес Вадим.

- Что, Михалыч? Не понял... – сказал, стоявший рядом Лекарев.

- Да это я так, Палыч – мысли вслух. Ты видел когда-нибудь картину «Утро на Курской дуге»? Посмотри вокруг, не напоминает? – кивнул он на скопище искореженной, сгоревшей бронетехники, разбросанные повсюду куски железа. █

- ...Это «Филиппок» – Валерка Филиппов «завалил» его, – поняв по-своему кивок Вадима, сказал Бальбуциев, показывая на уткнувшийся слева в канаву чуть порыжевший от огня БТР с дырой в лобовой броне. Рядом с ним, чуть завалившись набок, с размотанной «гусьянкой» и

вздувшимся «брюхом» стоял МТЛБ, такой же рыжий и закопченный. – Удачливый парень, – продолжил говорить Саша, – впервые в жизни взял в руки гранатомет, и что ни выстрел – в «яблочко»! Во-о-н ту девятиэтажку видите, что торцом к нам? Верхнюю сгоревшую квартиру видите? Оттуда пулемет бил, так вы представляете – Валерка на бегу, не останавливаясь, «Муху» на плечо, и почти не целясь! ...И нет пулеметчика.

...То там, то здесь – повсюду за мостом на въезде в город стояли раскуроченные БТРы, приспособленные под них легкие тягачи МТЛБ, разорванные останки бывших когда-то грузовиков, чуть в отдалении видны два сгоревших автобуса, среди газонов и поваленных деревьев – трудноузнаваемые обломки какой-то техники. Не улица - свалка сплошного металлолома! ...Воронки от снарядов. Срезанные и расщеплённые взрывами деревья. Хруст щёбёнки под ногами, и нескончаемое звенящее шуршание гильз...

Как ручейки к большой реке, по тропкам и переулкам к мосту стекались вереницы людей. Навстречу шла молодая женщина, а малышка в одних трусиках на руках держала. Ему года четыре, но личико было уже не детское, бледное, и застывшие испуганные глазенки, в которых вместо детской радости и беспечности, застыла мольба: «Мамочка, я боюсь! Спаси меня!». У Вадима перехватило горло, сознание выстрелило: «Ох, твари! Не может такого быть, чтобы не ответили вы своей змеиной башкой за слёзы и мольбу этого малыша! Фашисты, не люди!!! ... Считают себя православными? Мир сошёл с ума! – православные фашисты!!! Ну, дай, Боже, добраться до вас, и уж тогда, как говаривали наши предки: *«круши их песи, руби в хазары!»*

**Чернобрив В.Н., полковник, начальник штаба ракетных войск и артиллерии
14-й гвардейской общевойсковой армии (из Интернет).**

«24 июня Парламент Республики Молдова принял постановление об обострении ситуации в республике в связи с прямым и преднамеренным вмешательством 14-й армии в конфликт в восточных районах страны. Было решено обратиться в ООН с просьбой о незамедлительном созыве Совета Безопасности ООН в связи с открытой агрессией России против Молдовы. Зона Левобережья и Бендер признаны в постановлении зоной, оккупированной 14-й армией, решено создать государственную комиссию РМ по расследованию преступлений, совершенных этой армией на территории Молдовы с участием международных экспертов».

...За кустами, на сплошь заваленном мусором, землей и ветками тротуарчике, мелькнули чьи-то фигуры. Пожилые женщины с сумками. Казаки сошли с тропки, пропуская их, остановились. Женщины приблизились, настороженно окинули парней взглядом. И тут их глаза будто вспыхнули – в них и радость, и удивление, растерянность!.. – они увидели шевроны на рукавах «камуфляжек».

- Ребята, вы из России?!.. – только и воскликнули они, как в глазах у них навернулись слезы. – Сынки вы наши!.. Бейте этих фашистов!.. Гоните их!.. С Богом, сынки!.. Отомстите за нас всех!.. – не сдерживая слёз, проговорили они, и в глазах их столько любви, столько мольбы и сострадания!.. Разрыдавшись и опустив головы, женщины пошли к мосту...

- Да после этого – хоть на пулемёты в полный рост, – сквозь треск веточек и шорох под ногами, Вадим услышал приглушенный голос Славки. Во взгляде его была сплошная ярость! Рядом идущий Иосиф тоже насутился и, тяжело дыша, перекачивал желваками на покрывшихся красными пятнами скулах... *«Трепецните языцы, яко с нами Бог!»*

А. Бендерский. «Там, где жили самые гордые русские». WWW. ArtOfWar. RU.

«...Кто же здесь помирать-то готов? Кто же среди нас готов к такому? Нет среди нас таких. Всё молоды, большинству нет тридцати, некоторым чуть за тридцать. Все хотят жить. Но есть разница, - как жить? Во всем том, что было последние годы? Слушая оскорбления из своих телевизоров, и рассказы о том, как на дачных участках волонтеры избивают и убивают наших стариков? Жить под страхом за родных, перед угрозой пьяных озверелых толп, которых не единожды созывали в «поход на Бендеры»? Нет, мы хотим жить свободно!!! Мы на своей земле и уже знаем разницу между тем, что было и тем, что может быть. Мы свободные люди, и готовы погибнуть за эту свободу. А эта жертва не должна

быть пустой. Это наша жизнь! Наше будущее, а за него нужно уметь бороться. И мы будем делать это до конца. Каким бы этот конец не был!!!»

До полдня ещё далеко, но солнце уже пекло – если навскидку, так больше тридцати градусов будет. Всё пространство заполнено густым запахом обгоревшего металла, резины и какой-то тошнотворной кислоты.

Впереди – это даже не улица!.. Это – поле настоящей кровавой битвы! Закопченные стены домов с зияющими проломами, пустыми глазницами окон сгоревших квартир и разрушенными балконами, бетонные заборы сплошь в дырах от снарядов с торчащими прутьями арматуры. Горы битого кирпича и мусора – как на советских площадках «долгостроя» – повсюду, и хруст стекла. Словно в поклоне застыл переломленный железобетонный телеграфный столб. Обугленные стволы деревьев. Даже видневшийся асфальт – маслянисто-закопченный. По дороге и газонам змеями вились оборванные провода... За обочиной дороги лежал раскатанный почти в лепёшку «Запорожец», жесть его былой крыши сохранила отпечатки траков гусеницы. На газонах и клумбах, среди остатков великолепия роз – воронки от мин и снарядов. И вся улица завалена сгоревшей, подбитой, перевернутой и разорванной в клочья техникой – грузовики МАЗ, ЗИЛы, ГАЗы, отброшенные взрывами, и раскуроченные зенитки, которые так и не успели отцепить от машин. У поворота видны сгрудившиеся, как будто натолкнувшиеся на невидимую и непроходимую преграду, БТРы со сгоревшими скатами колес, потому они казались толстыми дремлющими моржами, лежащими на брюхе. Рядом – раскатавший гусеницу МТЛБ с почерневшей броней, на которой еле проглядывались белёдые латинские буквы...

«Улица Суворова», – гласила надпись на избитой табличке на углу какого-то почерневшего от копоти административного здания совершенно без стекол. – «Видимо, это и есть то место – главпочтамт», – вспомнил Вадим вчерашнее интервью казаков. – «Ага, а вот и тот «беглец-неудачник», – недалеко от угла он увидел стоящий с прицепленной зениткой-автоматом «ГАЗ»-полстатретий», выглядевший нашкодывшим псом с придавленным к земле хвостом, – взрывом у него вырвало кузов и задний мост.

Казаки шли по заваленной «боевым» мусором улице, обходя бурые и уже подсохшие – поняли! – кровавые лужи! Среди паутины оборванных проводов, всюду разбросанных по асфальту обломков, гильз, стеклянного крошева и земли парни вдруг заметили непонятные обугленные комья. И, кажется, сознанием уже начали догадываться, что это... – в воздухе висел обволакивающе-тяжелый запах, – но как даже самому себе-то в этом признаться?! Не выдержав, кто-то из казаков спросил у «проводжатога»...

– Куски тел, – раздраженно и хмуро ответил Бальбуцийев. – Точнее, ошмётки человеческого мяса...

Что это, как ни картины пьесы абсурда, и кроваво-жуткие фантазмагории? По сравнению с которыми фантастические «Круги ада» полусумасшедшего Данте кажутся зарисовками из «Весёлых картинок»! Или это, как на ходу вполголоса прокомментировал увиденное Славка: «Вот она, картина – блестящее свидетельство успешного перехода из этапа развитого социализма к эпохе возрождающегося капитализма».

Парни притихли. Хоть и крепятся, не показывают вида, но некий страх всё же проступает пятнами на лицах, желваки перекатываются под кожей, движения чуть нервные, глаза блестят, взгляды настороженные, чуть растерянные.

Бальбуцийев это заметил.

- Не дрейфь, земляки, – приободрил он новичков. – День-два и сами всему научитесь, и ко всему привыкните – здесь это быстро. Еще нам сто очков форы наперед давать будете. А сейчас все слушай мой приказ! Входим в «зону». Автоматы – по-боевому, как у меня! Зарядить, поставить на предохранитель! Готово?

Свернув за угол, группа вышла на площадь. Вот он – горисполком! Вся торцевая стена его густо избита снарядами, выклевана крупнокалиберными пулеметами – это первое, что увидели парни. Цоколь основательно издолбан артиллерией, на стенах трещины. Фасад – что сито, но по сравнению с торцом – ещё ничего... Это сколько же «белый дом» принял на себя пуль и осколков? Не было видно ни одного окна во всем исполкоме, куда бы, казалось, не

залетали снаряды. Многие окна – это просто дыры в стене. Оконные проемы заложены какими-то досками, щитами, мешками, непонятно откуда взявшимися матрацами, из одного окна выглядывал даже изодранный пулями кожаный диван... И над всем этим гордо реет красно-зелёный флаг Приднестровской Молдавской Республики! Казаки никак не могли понять, каким чудом оно сохранилось – изодранное в клочья, пробитое, кажется, чуть дунь – рухнет, осыпется. Тем не менее, словно назло всем врагам, развеивается!

И чему казаки ещё откровенно удивились – площадь перед исполкомом была чистой, без «боевого» мусора и грязи – всё уже убрано и подметено!!! Только, искрошив и повыворачивав бордюры, траки гусениц бронетехники оставили на мягком летнем асфальте площади замысловатые иероглифы, да повсюду следы от мин и гранат – будто огромная кошачья лапа поскребла. Да из проулка у какого-то магазинчика выглядывала почерневшая МТЛБ... Ещё по пути сюда парни заметили стоящие мощный японский автокран и тягач с трал-площадкой, их, чтоб убрать подбитую технику, видимо, недавно подогнали – как ни странно, город уже стал приводить себя в порядок.

- Подождите пока меня вот здесь, – Бульбациев кивнул головой, направляясь к крыльцу горисполкома. – Я скоро...

Сидевшие у крылечка «белого дома» бендерские казаки – их можно отличить по характерным «комбезам» и «лифчикам», сшитыми на местной фабрике, – беззлобно, как с хорошим знакомым, подтрунивали над стариком в сером старомодном фартуке, убирающим мусор с отмотки исполкома. А он и не обижался. Улыбался, и ответно, философствуя, с чудовищным акцентом, мягко грассируя между «р» и «г», шутил, чем приводил казаков к неопишуемому веселью. Это «дядя Лёва», старый бендерский дворник. Как и раньше, вновь каждое утро он берет в руки метлу и метёт улицу. Вокруг подбитая техника, груды искореженного металла, иногда где-то рядом разрывы мин и пули свистят, а он метет. Он знает своё дело. «...Вже-таки людям надо делать чисто», – серьёзно объяснял он этим «непонятливым» казакам [*9].

Недалеко от исполкома недвижимо-большая очередь за хлебом. Людей, как показалось, с тысячу. Хлеб раздавали бесплатно прямо с машин. Они подъезжали одна за другой. Туда же подвезли овощи – редис, помидоры, огурцы... Очередь выгнулась полукругом, ведя с кем-то, стоящим в центре, разговор. Заметно, что разговор серьёзный. «Когут», – слышали казаки от проходивших мимо женщин. Да это же председатель исполкома – мэр города Вячеслав Когут!.. По очереди было видно, что далеко не все желали покидать город, в основном оставались пожилые люди. Парни слышали, что разговор идет как раз об этом, многие считали, что жители не должны покидать город – очень много разрушений, и без людей городу трудно будет ожить вновь... Многих горожан очень тревожило происшествие на шелковом комбинате, где по хранилищу аммиака молдавской армией был нанесен артиллерийский удар. Тогда всерьёз запахло катастрофой. Если бы цистерны не выдержали, то город стал бы братской могилой для всех, кто в нём находился. Тогда, слава Богу, пронесло. Аварийные бригады после обезопасили город, вызвав при этом ...экологическую катастрофу – спустили аммиак в Днестр ...

Через площадь постоянно сновали то «броники», то грузовики под флагом ПМР с бойцами в кузове. Некоторые лишь изредка, видно по делу, притормаживали у крыльца исполкома. У стены на газоне из-под ели торчал ствол трофейной «Рапиры», тут же рядом в тенечке расположился расчет пушки, развесив на ствол для просушки свои «х/б»...

И как грозные стражники, у самого крыльца исполкома встали БТР и танк. Танк Т-64. Коробки активной брони, на борту виден, нанесенный краской, прямоугольник цветов российского флага. Это, видимо, один из тех танков, «приватизированных» у 14-й армии, что рвали блокаду Бендер.

А.Лебедь, генерал-лейтенант, командующий 14-й российской армией.
Из заявления 4 июля 1992 года.

«...По самым последним данным в городе Бендеры консервный завод разграблен, вывезена готовая продукция, завод сгорел. Маслоэкстракционный завод – вывезена продукция, завод сожжен, заминирован. Пивзавод – вывезена готовая продукция. Биохимзавод – вывезена часть оборудования, разграблен, сожжен. Молочный комбинат – частично выведен из строя. Хлебокомбинат – разграблен. Обувная фабрика – разграблена. Магазины практически все разграблены. Детская поликлиника, СЭС, горполиклиника, женская консультация, гинекологическое отделение – разграблены. Полностью выведено из строя освещение города. Варницкий водозабор выведен из строя. Центральная телефонная подстанция разрушена. Разрушено до 50 процентов жилого фонда. Выведены из строя путем разрушения, подрыва практически все школы, детские сады, лечебные учреждения. Население города Бендеры, которое еще там осталось, даже если допустить, что завтра там воцарится мир,- это обреченные на нищету люди. Им негде заработать кусок хлеба. Все те предприятия, на которых это можно было сделать, разрушены, разграблены, развалены, взорваны складские и производственные помещения.

...Только с приднестровской стороны количество убитых достигает 850 человек, раненых – более четырех тысяч. Подавляющее большинство убитых и раненых – до двух третей – это мирное население, это женщины, старики, дети. ...Количество беженцев, по разным данным, исчисляется от 120 до 150 тысяч человек. Сосчитать более точно невозможно»...

...В этом городе прямо на улицах совершенно наивно растут абрикосы и вишни. Даже многоэтажные дома увиты виноградом – настоящие виноградные стены с прорезями для окон. Над головами висят персики и груши, и каждый желающий может взять себе сколько захочет, никто и слова не скажет. Говорили, что в этом году урожай просто небывалый. Но вот кто его будет собирать?..

По улицам Бендер на «официанте» - небольшом тракторе «Владимирец» с кузовком впереди, ездит обросший щетиной человек с тяжелым взглядом. Никто точно не знает его имени, но люди называют его Никифором. А его трактор – «черным тюльпаном» или «лодкой Харона». Никифор беспрепятственно переезжает – туда и обратно, проходящую прямо по городским улицам линию фронта, потому что его уже знают и те, и другие, и при его появлении, не стреляют. Он не замечает винограда и персиков, он ездит по городу и собирает иной урожай. Урожай трупов...

Пока казаки сидели на траве под елочкой возле изрядно покоцанного здания Бендерского исполкома, поджидая зашедшего туда с каким-то поручением Бальбуциева, Никифор каждые десять-пятнадцать минут подвозил и выгружал убитых. Старика с банкой, зажатой в уже мертвых руках. Где-то раздобыл молока, может быть, для внука. Так и лежал с банкой, только молоко расплескалось. Еще одного старика, одноногого. Испачканный землей, уже тронутый разлагающим беспощадным солнцем, а рядом лежали новенькие костыли. Потом – белобрысого мальчишку лет двенадцати-тринадцати с широко раскрытыми удивленными глазами и маленькой дырочкой во лбу. Это уже не жертвы минувших боев. Это жертвы снайперов. Они были повсюду, и с какой-то особой тщательностью отстреливали именно мирное население... [*9].

Е.Бершин, журналист.

«Трагедия Бендер – плод чванливой, дилетантской политики и воинствующего национализма. Это плод комплекса национальной неполноценности, вызванной не только десятилетиями тоталитарного давления, но и чрезмерной, большой революционностью людей, которые пожелали всё изменить в один день. Это плод нелюбви и нетерпимости, граничащей с фашизмом. Но вину с ними должны поделить и те, кто, сделав из демократии новую идеологию, новый фетиш, слишком долго делили противостоящие стороны на коммунистов и демократов, не желая понимать, что в Приднестровье живут просто люди, которых нельзя убивать» [*9].

- Идём на вокзал. Наши иркутяне там, – сказал подошедший вскоре Бальбуциев.

Пошли дворами, меж домов. Парни поняли – «срезаем угол». Солнце разбрасывало вокруг кривые диковатого вида тени. Испещренные пулевыми отметинами, по сторонам нависали громады домов. Руины глядели на них безжизненными провалами окон. Прутья арматуры засохшими ветками торчали из развалин. Во дворах, как в гробах, висела страшная, давящая тишина. Лишь где-то с южной окраины города на грани слышимости доносится стрельба – будто от дуновения ветра шумит сухой камыш, да изредка прогрехочет далёкая гроза...

Дворы пусты. Лишь около подъезда полусгоревшего дома на газоне у небольшого садика с какими-то плодовыми деревьями, немилосердно искореженными ударами взрывной волны и осколками, одиноко сидит пожилой мужчина у костра и отрешенно смотрит на чайник, покрытый сажой. Через стекло закрытого окна на первом этаже на них посмотрела женщина, перекрестилась и исчезла. В другом дворе тощий старик тащил большую ветку для очага, наспех сложенного из битого кирпича. На огне стоял бельевой эмалированный бак, около которого стояли две женщины – по-видимому, что-то варили на всех оставшихся жильцов дома. Рядом лежала большая лохматая собака, увидев идущих, поднялась, вышла навстречу и заискивающе завилала хвостом, не издав ни одного звука.

Удручающая картина, даже скорбная...

И вдруг затрещал автомат – совсем рядом! В тот же миг с криком «Стреляют, дяденьки!» им навстречу бросилась, невесть откуда появившаяся, испуганная девочка лет пяти-шести, но подскокившая женщина, в глазах которой стояли растерянность и дикий ужас, схватила её в охапку и, пригнувшись – бегом в подъезд...

Парни никогда никого в своей жизни не убивали. Будучи мальчишками, драться, конечно, приходилось. Даже очень жестоко, до крови. Но сейчас никто из них не испугался своего желания убить! ...Даже и не удивились этой, казалось бы, страшной мысли. Увиденное, как кинжалом, резануло по сознанию – очень больно! И эта душевная боль, криком «Спаси!» стоявшая в их ушах, вот за эту девочку, за этих людей, за этот город взывала к мести – ещё не видя врага, они его уже ненавидели!

Е.Бершин, журналист.

«Меня почему-то больше всего поразила кошка. Когда молдавская полиция стала выселять из квартир «русскоязычных», пенсионер Абрамов ни за что не хотел открывать дверь. Тогда полицейские ее взломали и застрелили не только пенсионера, но и его кошку. Она тоже оказалось «русскоязычной». И то, что поразил именно этот факт, свидетельствовало уже о моем собственном неадекватном восприятии происходящего. Какая кошка?! По всему городу горят разграбленные и взорванные заводы, больницы, школы. Улицы завалены трупами. Снайперы отстреливают все живое. Обезумевшие жители прячутся в подвалах. Неосторожных ловят, истязают. На моих глазах снимали со столба распятого мальчика»[*9].

- ...Это улица Лазо, – Бальбуциев кивнул на дорогу, видневшуюся меж домов, когда группа выходила с очередного двора. – Нам по ней – до упора. А сейчас – разбиться на две группы, группы пойдут цепочкой по разным сторонам улицы, прижимаясь к домам. Во время движения вести наблюдение за противоположной стороной – смотреть в оба! Держать в прицеле окна, крыши, углы домов. Всем крутить башкой на триста шестьдесят градусов – задача: упредить снайпера! И смотреть под ноги – здесь даже газоны воюют – мины! В цепочке держать дистанцию пять-семь метров, чтоб одной очередью не скосили. Перекрёстки проскакивать «мухой»! Всё, вперёд!

Казачи враз напряглись. Часть группы по-спринтерски, разорванной цепочкой перебежала улицу, притерлась к стене двухэтажки с разбитой крышей. Рассредоточились, пошли...

По дороге на вокзал, смотря на безлюдную разгромленную улицу, невозможно было поверить, что это не сон и не декорации для съёмок фильма об Отечественной войне – мозг затопило гнетущее ощущение полнейшей нереальности. На улице не было разве что только разбитых БТРов и искореженных пушек. А в остальном – то же, что видели и на Суворова. Несмотря на лёгкий гучий ветерок, в воздухе висит густой запах разогретого, вернее обгоревшего, металла...

Вот у перекрестка стоит покоробленный огнем пепельно-ржавый остов РАФика – видимо, «скорая помощь». А вон там – пожарная машина. Да это просто какой-то дуршлаг красного цвета на изодранных колесах! Лишь Бог ведает, сколько таких спецмашин, расстрелянных и сгоревших, стоит на улицах Бендер...

Инна Галкина, ученица средней школы №16 г. Бендеры.

«...Я знала о войне из книг, кинофильмов, знала о фашистах по рассказам ветеранов войны. А сейчас я сама узнала, увидела, что такое фашизм. Это он разрушил наш город, который я очень люблю. Захватчики и убийцы разрушили школы, где учились мои сверстники, дети всех национальностей: молдаване и русские, евреи и украинцы, болгары и белорусы. До сих пор дети не могут посещать детские сады, заросли травой прекрасные клумбы, где раньше цвели розы.

Теперь я поняла, что такое война. Это – страшная несправедливость, которая отнимает у нас детство и сеет смерть.

Дорогие дяди и тети! От имени всех детей нашего города я обращаюсь к вам: защитите нас, наш город, наше детство! Я ненавижу войну!» [*1].

...Ночью 20 июня от артобстрела на путях станции Бендеры-1 взвился большой пожар. По стечению обстоятельств в те дни на путях скопилось очень много вагонов и цистерн с горючими, взрывоопасными и отравляющими грузами: бензином, сжиженным газом, этиленом, бензолом, хлором, аммиаком... Они не взорвались просто чудом. Но чудом ли?.. Под пулями и осколками, при бушующем и растекающемся рядом пламени, пожарные и железнодорожники сделали невероятное – сбивая пламя и охлаждая соседние ёмкости, растащили горящие вагоны и локализовали пожар. Уже ближе к полдню, когда вокзал и станцию «румыны» все же захватили, смогли затушить и вагоны с лесом. И это не герои?! Какая катастрофа, сравнимая разве что с произошедшими в индийском Бхопале или американском Галифаксе, случилась бы, если?.. А если бы вовремя не потушили еще и пожар на маслоэкстракционном заводе, в технологии которого широко использовался высокооктановый бензин? Взрыв скопившихся в ёмкостях газов не оставил бы и камня на камне в радиусе более трех километров!.. [*1, 5].

А. Проскурин, начальник пожарного поезда, г. Бендеры. «Новое время», 15.10. 92 г.

«В 4 часа утра артиллерийский ураган обрушился на железнодорожную станцию Бендеры-1. Запылали 125-тонная цистерна с бензином и вагоны с лесом. На станции скопилось много вагонов с нефтепродуктами, цистерны с газом, горючие, взрывоопасные и ядовитые грузы. Пожар угрожал распространиться на фабрику «Тигина», жилые дома и хозяйственные постройки. Снова для пожарного поезда вызвали тепловоз. Готовлю людей, но уже отбираю добровольцев – под пули и снаряды на свою ответственность пожарных вести не решаюсь. Пошли шесть добровольцев: начальник караула Г. П. Гилайш, старший стрелок-пожарный В. В. Сырбу, пожарный П. А. Флоря, машинист тепловоза А. Л. Кетросян, составитель поездов В. М. Мантя, зам. начальника команды по пожарно-технической части и я.

Быстро подали пожарный поезд на 8-й путь, быстро проложили рукавные линии – надо небольшим числом победить огонь. Сбиваем пламя с горячей цистерны, тушим вагоны с лесом и охлаждаем цистерны. Пожар локализован. Пробитые цистерны вывезены за территорию станции. Цистерну с газом увезли в безопасное место, куда обстрел не достает. Утром на помощь подоспел караул №3: начальник караула А.С. Калалб, стрелки-пожарные И.И. Время и С.Г. Годерашко. Работать стало легче.

Затем к нам в караульное помещение пришли раненые казаки, и мы перевязали их. Уходя со станции, я просил их беречь пожарный поезд – он большая опора городу. Но не уберегли: снаряд разворотил крышу вагона и котельную, повредил оборудование».

(*Спустя годы, прочитав это, Михайлов признался: «Каюсь: я, конечно, не специально, но, увы, это моя «работа». – Его выстрел из РПГ-7 лишь чуть задел угол, но и этого хватило - термобарический удар разорвавшейся гранаты изрядно разворотил часть вагона. Но, как потом сказали парни, что хоть не зря...).

«...Что ж вы, гады, наделали? – думал Вадим, идя по расстрелянному городу. – Неужели вы не понимаете, что на этой узкой полоске земли, именуемой Приднестровьем, и с её людьми, вы уже никогда не сможете жить так, как жили – вместе? Вас будут ненавидеть до тех пор, пока из памяти людей не выветрится эта трагедия. А она ещё долго не выветрится. Ещё не одно поколение жителей Бендер будет смотреть на вас, как на врагов. И ни о какой «единой и неделимой» речи больше быть не может. Даже если наступит мир. Даже если опять попытаетесь заставить силой.■

Что толку-то с неё, с силы? Кто-то из «великих» диктаторов новейшей истории выдвинул чудовищную формулу победы: «Победа – это уничтожение». Уничтожение врага. Уничтожение любой ценой. Уничтожались целые народы, нации, классы, партии... Но никому ничего до победного конца уничтожить не удалось. Несмотря ни на что, исторический результат – ноль. Никого не научили ни Гитлер, ни Вьетнам, ни Афганистан... [*9]. Где-то я вычитал мудрую мысль: «История учит тому, что ничему не учит». Да, победить человека силой невозможно. Убить можно. Убей хоть сотню, тысячу или миллионы, но это не будет победой!..»

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 24 июня 1992 г.

07.00. *Трое вооруженных людей зашли в детский сад по ул. Шестакова и начали оттуда вести огонь.*

09.30. *По ул. Победы с оружием в руках ходят ОПОНовцы и говорят всем эвакуироваться.*

11.30. *На ул. Павлика Морозова женщина из винтовки ведет огонь.*

11.50. *На ул. Тамары Кручок периодически стреляет снайпер.*

12.50. *Возле автобусной остановки «Диспетчерская» на Каушанском направлении всех беженцев в принудительном порядке отправляют в Каушаны.*

13.30. *Идет установка тяжелых орудий на Суворовской горе.*

14.02. *Микрорайон «Северный», район дач АПО «Варница». Скопилось большое количество бронетехники Молдовы.*

14.20. *Снайпер на магазине «Товары для детей».*

14.35. *У кинопроката находятся около ста двадцати ОПОНовцев. Стоят два безоткатных орудия, ГМЗ с зенитными автоматическими пушками ЗУ-23-2 и много легковых автомобилей. Здание приспособливается к долговременной обороне.*

15.30. *На территории кинопроката из машин, приехавших со стороны Каушан, разгружают ящики.*

15.35. *Обстрел городского предместья Хомутяновка.*

16.45. *Со стороны села Гура-Быкулуй двигаются два бронетранспортера, КАМАЗ и автобус с военными.*

16.57. *Из СШ №2 ведется плотный огонь из гранатометов.*

17.10. *Обстрел центра города из артиллерии.*

18.36. *По ул. Кишиневской на крышах многоэтажных домов установлены пулеметы.*

19.20. *Со стороны Суворовской горы центр города продолжает обстреливаться из артиллерии.*

20.25. *Из села Варница в Бендеры приехали два автобуса и пять КАМАЗов с прицепами, в них вооруженные люди»... [*1].*

Вот и привокзальная площадь. По сравнению с увиденным на улицах города, парням показалось, может, несколько странным, что вокзал и те несколько зданий на небольшой, вытянутой привокзальной площади война как бы обошла стороной. По крайней мере, больших разрушений и черноты пожарищ не увидели. Это, видимо, оттого, что «румын» отсюда выбили в основном «капитан Полундра» и «генерал Паника». Без стрельбы, но с большим кипишем. Но следы вторжения всё же видны. Время от времени взгляд наткнулся то на израненные, со срезанными ветками деревья, то на валяющиеся хвостовики – стабилизаторы разорвавшихся мин. Кое-где стены домов, хотя и не так густо, истыканы пулями и осколками, и асфальт

местами исцарапан траками и взрывами, да под ногами в безлюдной тишине палящего полдня изредка позвякивали гильзы, осколки.

...Скоро полдень. Истекая зноем, в вышине выцветшей голубизны неба добела раскаленной сковородой зависло солнце – высокие розовые кусты, которые, как узнали позже, здесь называют «штамбовые розы», почти не отбрасывают в сторону тени.

Подошли к небольшому кафе, остановились. В его дворике стояли и сидели несколько бойцов в камуфляжных «комбезах», на головах фуражки – казаки! Парни поняли, в кафе штаб сотни. Велев обождать, Бальбуциев заскочил туда. Было тихо, и обстановка вроде располагала немного расслабиться, или, как говорят в армии, «оправиться и покурить». Но не успели – довольно резко вернулся Бальбуциев, на ходу наскоро спросив у сидевшего на ступеньках казака со свежим бинтом на руке о каком-то ...миксере.

- Это что за миксер?... – с улыбкой и долей недоумения спросил Михайлов.

- Сотник Притула. Позывной и боевая кличка «Миксер». Наш батька-командир. Он и вам будет и за тятю и за маму ...коль слушаться его будете. Но с ним не забалуешь. И даже пробовать не советую, – ответил Бальбуциев. – Всё, пошли на вокзал. Сказали, он там.

«Притула?!.. Командир известного казачьего взвода разведки?» Этот взвод появлялся на самых ответственных участках обороны, ему поручались самые опасные задания, глубокие рейды за Днестр не раз ставили «на уши» ОПОНовцев и молдавские армейские части. ...Но то, что будут воевать под его командованием – вот это да! - такого парни ну никак не ожидали!

О Притуле и его легендарном разведвзводе они узнали ещё дома в Усть-Илимске из присланных газет, слышали о нём и в Иркутске. Был случай, когда после потрясшего Приднестровье известия о подлом расстреле 23 апреля террористами Н.Остапенко, одного из активных организаторов республики, разведгруппе Притулы была поставлена задача – захватить какого-нибудь высокопоставленного офицера Молдовы, чтобы показать, что в любой момент приднестровцы готовы провести подобную акцию, но не делают этого из гуманных соображений, а воюют честно, соблюдая Женевскую конвенцию по ведению войны. Такую «цель» Притула нашел. Группа, совершив многокилометровый рейд по глубокому тылу противника, разгромила Огреевский районный отдел полиции и захватила его начальника – майора И.Савина, русского, но яркого сторонника НФМ, непреклонного борца с «сепаратизмом». Правда, вскоре, к празднику Пасхи его обменяли на группу пленённых дубоссарских ополченцев...

- Подъём, станичники! – открыв дверь в какую-то коморку, рявкнул Бальбуциев. - Хорош спать! Встречай земляков! К нам подмога – казаки из Усть-Илимска прибыли!

Встреча была, как с давно не видавшейся родней. Ба! – да тут знакомые лица! – радостные и чуть заспанные – казаки только недавно пришли с ночного дозора. И сразу же расспросы: как там «дома», что нового?... Как там «батька»?.. Как добрались?... Здесь были парни из Иркутска, Нижнеудинска, Зимы, Саянска. Все молодые ребята. На их фоне Бальбуциев и, ещё по Иркутску его близкий друг Николай – вахмистр Терёхин, внешне смотрелись ветеранами: и по возрасту, и по манере поведения, и... по глазам. Есть десятки мелочей, по которым можно отличить бывалого солдата... Хоть и показали казаки «третьей иркутской группы» себя здесь отнюдь не новобранцами, сполна и «свинцовой каши, и кровушки хлебнули», но всё же в

***«В Приднестровье война грохочет,
Льется кровь отцов и матерей.
То «Народный фронт» убить нас хочет
Из артиллерийских батарей.
Каждый день и час всё ближе, ближе
Двигается к Тирасполю война.
За Днестром я бронетанки вижу,
За спиной – любимая Страна.
Так живи, единственная в мире,
За тебя сожмём мы кулаки.
Из Сибири, с Дона и Урала
К нам на помощь едут казаки.
Казаки, которые срубили
Гитлеровским рыцарям рога,
Казаки, которые убили
Самого опасного врага.
Казаки, в боях кровавых, смертных,
Побеждали каждого врага!
...Многие из них ушли в бессмертье –
И о них нам память дорога».***
Николай Соловьев, г. Тирасполь, 1992 г.

Бальбуциеве и Терёхине, которые здесь, в Приднестровье, ещё с мая месяца, явно чувствовался опыт бывалых фронтовиков... Они, как приехали, воевали «на Кошнице», как здесь говорят. Воевали и не знали, что будет у них не только левый берег Днестра, но и Бендеры на правом... Бальбуциев по срочному делу днем 19 июня прибыл в штаб ЧКВ, а вечером 20-го уже оказался в Бендерах – в числе первых казаков, которым удалось прорваться на помощь расстреливаемому городу. Женю Балабанова и «Терёху», *«так уж быть, только из-за уважения к иркутянам»*, из-под Кошницы отпустили в Бендеры... *«Да чтоб поддержали там свою марку!»* - напутственно крикнули вслед. Подоспели они к самому штурму моста...

Николай чуть прихрамывал – ногу пулей чуть зацепило. Видом он был типичный славянин: круглолицый, широко расставленные голубые глаза с цепкими зрачками, широкая кость, медвежеватый. Ходил в зашарканной «афганке»-«песочке», затянутой в ремни. Только сейчас Михайлов узнал, что Терёхин, как и он, такой же сибиряк... из казачьего Оренбуржья! А Саша Бальбуциев родом из казаков кубанских. Вот как власть да судьба раскидала по России да по миру род казачий!

- Коля! – в общем гомоне окликнул Бальбуциев Терёхина, - Вообще-то, я за тобой прибыл. Получи приказ... Собирайся. Завтра быть тебе в Тирасполе. «Грузом 200» Серёжку Васильева домой повезешь. В Иркутск...

- Как в Иркутск?! – вспыхнул Терехин. - Как это – собирайся? Ты что, Саня!? Я ещё за парней не отомстил!.. Ты знаешь, что у нас ещё и Женька без вести пропал?!

- ...Где пропал? Когда? – растерянно спросил Бальбуциев.

- Только сегодня нам сообщили. Во время штурма они вдоль Днестра шли. Их с БЭТЭРа огнем прижали. Женька с одним парнем в воду бросились, хотели было вплавь вдоль берега пробраться, а их ОПОНовцы из пулемета... С тех пор Балабанова больше никто не видел...

На какую-то минуту в комнате повисла тишина.

- Вахмистр Терёхин! - Бальбуциев заговорил с металлической дрожью в голосе. - Исполнять приказ!.. - И добавил уже по иному, по-дружески: - Надо, Коля. Серёжку ждут в Иркутске. Проводи его, как боевой товарищ. Проводи в последний путь. Поклонись от всех нас его отцу и матери. Если смогут, пусть простят, что не сберегли... Похороните его достойно, по нашим обычаям, как русского воина, как героя!.. И расскажи там всем – всему Иркутску, всей области! – за что мы здесь воюем, за что гибнем. Сделай это, Коля! Я знаю, ты сможешь...

Бальбуциев достал сигарету и, как-то сторбившись, быстро шагнул за дверь. Минуту поколебавшись, вслед за ним на улицу вышли Михайлов со Смолиным. Положив автомат на колени, Саша сидел у стены и, дымя в руке тлеющей сигаретой, парни заметили: что-то бубнил себе под нос – одни губы шевелились, и чуть покачивал головой, будто в такт неслышной песни...

- Вот так-то, земляки... – проговорил он, заметив «новичков». – Сколько же за эти дни на мосту да на улицах города нашего брата-то погибло! А на Кошнице каких мы ребят потеряли! Не верьте, что здесь привыкаешь к смерти. К гибели друга – боевого друга! – привыкнуть невозможно. На войне же как – сегодня разговариваешь с человеком, песни с ним поёшь, а завтра хоронишь его. Помните, как в фильме «В бой идут одни старики»?.. Вот и нам, как и им довелось... Только у нас – «В бой идут одни казаки»... – И затянувшись сигаретой, с прищуром глядя куда-то вдаль, вполголоса пропел слова прерванной им было песни: *«Р-ра-аскудрявый клен зеленый, лист резной...»* [*7].

...Над асфальтом перрона, как на сковородке, слоился и дрожал горячий воздух, отполированные лезвия рельсов изламывались, двоились, и там, вдали, словно повисали над землёй. Казалось, будто эта стальная дорога некрутой лесенкой уходила вверх, в небо, как в вечность.

С ручным пулемётом, висящем через плечо на длинном ремне, к ним подошёл хорунжий Малых – старший третьей группы казаков ИКВ – «саянской», как её промеж себя называли. За эти несколько дней Толя отпустил небольшую аккуратную бородку, но светлый волос на солнце уже успел чуть подвыгореть, оттого издали она казалась клочковатой. Присел рядом, из кармана куртки достал трубку, и, дымно попыхивая, раскурил её. Табачок у него был какой-то особенный – казаков обволокло очень ароматным, но отнюдь не слашавым, терпким дымком.

Сигареты курил он редко, а вонючие молдавские – не воспринимал напрочь, чуть ли не принципиально. И ещё чем отличался Малых – на голове его была пилотка! Обыкновенная солдатская. Когда многие другие казаки носили полевые офицерские фуражки. История Толиной пилотки уникальна и удивительна, но об этом казаки узнают чуть позже.

«Саянская» группа иркутских казаков прибыла в Тирасполь днём 19 июня, в канун Бендерской трагедии. В штабе ЧКВ казаков было почти никого, а тут из Паркан поступила информация о замеченных на сельском кладбище военных – явно не наши. Надо проверить – а вдруг это диверсанты? Вновь прибывших быстро вооружили и вперёд – с парой черноморцев на зачистку территории погоста. К вечеру дело было сделано: после короткой перестрелки, загнав в угол, и не оставив им выбора, взяли четырёх «румын». Вышли на трассу к Бендерскому мосту, остановили попутный грузовичок, и в сопровождении черноморцев отправили пленных в Тирасполь.

Опускался тёплый и душный вечер. Поблёскивая в лучах уходящего солнца, медленно шевелил свои воды Днестр. За ним в зелени садов и улиц белоснежными девятиэтажками высятся Бендеры. Окинув всю эту красоту взглядом, казаки только было хотели остановить следующую попутку, как...

Противоположный берег вдруг вздрогнул. Вздрогнул и тут же оглох – от нескончаемого грохота взрывов, визга ракет, треска пулемётов, рёва моторов и лязга гусениц, от криков ужаса, боли и горя жителей мирного города!..

Вторжение!!! Пусть издали, но казаки стали очевидцами самого начала агрессии. Даже опешили – до того всё было неожиданно. Ширина Днестра всего двести метров, с высокого парканского берега было отлично видно, как Бендеры, вспыхнув пожарами, заволочло дымом.

В числе немногих, кто находился на левом берегу, иркутяне рванули на мост, в расстреливаемый город. Но вынуждены были залечь, отползти к укрытиям – с того берега, прорвавшиеся к мосту БТРы агрессора, открыли пулемётный огонь. А потом ударили и орудия.

В импровизированный дот, сложенный из железобетонных блоков, который со своим РПК-74 занял Толя Малых, попал снаряд «Рапиры»... Уже стемнело, когда он, очнувшись, оглушенный и с сильнейшей головной болью, понял, что его завалило. Хорошо не придавило. Где-то рядом идёт бой, и никто его не ищет, не вывозит из железобетонного плена. Наши увидели, услышали и вытащили Толю, когда он, найдя щель меж бетонных блоков, высунул ствол пулемёта и дал в воздух длинную очередь. И опять бой – вновь и вновь бросались казаки на штурм моста. Там, у моста, и встретили вновь прибывшие иркутяне своих земляков: Васильева, Халтурина, Бальбуциева, Балабанова, Терёхина, познакомились с Серёжкой-«Огоньком», Володей Бенещуком, тираспольским походным атаманом Валерой Чигриным, с сотником Притулой...

За разговором, сидя у стены, заметили, как из здания вокзала на перрон вышел казак – в мятой полевой фуражке, с расстегнутым воротом перепоясанного ремнями «комбеза», откуда был виден застиранный морской «тельник», а росточком он был, как говорят, «полтора метра с фуражкой да на высоких каблуках». Через плечо была переброшена офицерская планшетка, на шее висел «Калашников» с пристёгнутыми к нему двумя оранжевыми магазинами, стянутыми синей изолентой. Увидев иркутян, пошел в их сторону. Казаки сразу встали. Бальбуциев шагнул ему навстречу, поздоровался за руку.

- Земляки наши прибыли, батька. Новая группа – восемь человек. Вот старший – сотник Михайлов.

- От-тэто любо! – прогрохотал в ответ, что камнепад в ущелье, никак не вязавшийся с ростом, его хриплый бас. - И главное – вовремя... Давайте знакомиться. Сотник Притула, «погоняло» - «Миксер», – он крепко пожал Вадиму и Владу руку, и, прищурился глазом, заглянул в лицо Михайлову. Вадим принял его оценивающий взгляд, ничуть не смутившись. Про такой взгляд говорят: посмотрит – на душе жарко. «Да, строгий – это точно...» Но было видно, что человек он незлобивый. «...Ну и силищи в нём! Ладонь твёрдая, горячая. Руку пожал – хоть кричи. Такой лапищей можно и из сухой берёзы сок выжать или гирей перекреститься!..» Но всё же чувствовалось, как он устал и измотан. От того, наверное, и был несколько вздрнут.

- ...Где остальные? ...Потом поговорите. Зови всех сюда! – довольно резко приказал он Вадиму.

Когда все по-уставному представились командиру, Притула тут же у перрона, развернув карту-схему города, кратко обрисовал новичкам обстановку и диспозицию – до противника-то, оказывается, каких-то двести метров, а площадь у вокзала – своеобразная нейтральная полоса! Объяснил и тут же отдал боевой приказ: группе занять оборону на правом фланге.

- ...Одна из наших задач: блокировать пути между вокзалами Бендеры-1 и Бендеры-2, чтоб противник не соединился с Варницей по линии железной дороги. Положение вообще-то контролируем, но людей катастрофически не хватает. У противника нет уже той растерянности, что была вечером 20-го, он уже везде нашупал соприкосновение с нами. Вот и на этом участке обороны, – он прочертил пальцем по карте дугу, – от вокзала по «железке» до мебельной фабрики, частный сектор тоже – это будет ваш участок – нынче стало что-то беспокойно...

- Не слишком ли большой участок? – не удержавшись, спросил Михайлов Притулу. - Как его перекрыть, командир? Нас-то всего восемь... А здесь на каждого почти две сотни метров фронта! Да и в глубину...

Притула резко поднял глаза, нервно взглянул на Вадима, но вместо взгляда встретил лишь блики тонированных линз его очков. И это, видимо, ему не очень понравилось.

- ...А вы сибиряки или кто?! - вспыхнул было сотник, но уже через несколько секунд, подумав, сказал иным, хотя и жестким, тоном: - Абы кому я такие участки обороны не доверяю. Вот здесь, – он показал на карте, – в районе магазина «Осенние листья», пожалуй, самый ответственный участок, и я не просто так его отдал вашим землякам – казакам из Новосибирска! И ещё: от вас никто и не требует фронт держать. Мы, слава Богу, здесь не одни, – он снова ткнул пальцем в карту. – Вот тут, справа от вас, у поворота «железки», стоит большой отряд бендерских ополченцев. А вот здесь – усиленный взвод гвардии, и на фабрике донские казаки стоят. Да у нас ещё и Атаманская сотня есть, коль чего... Ваша задача иная: дозор и разведка. Сектор Борисовка-Липканы, – сотник провел «вилку» по улицам Кишиневской и Энгельса, – держать под жестким контролем. А за Липканами – Варница, и мы должны знать, что там делается. Северное направление, короткое – у противника главное. Варница же – самый удобный его плацдарм, там максимум войск. Их штаб их группировки тоже там. И, не дай Бог, – вдруг сверкнули его, цвета холодной свинчатки глаза, - если через вас хоть один «муль-романешта» прорвется по путям! – И уже обращаясь к Бальбуциеву: - Саша, денька два побудь с новичками, а уж потом... сам знаешь куда. И группы смешай, чтоб в этой поначалу хоть пара твоих обстрелянных парней была. Я тоже подошлю несколько человек. О, кстати, одного уже сейчас дам... – сделав несколько шагов, Притула заглянул в открытое окно вокзала и, свистнув, крикнул кому-то:

– Найдите Гриню-махновца! Ко мне его сюда! Срочно! – и, повернувшись к группе, сказал: – Базу - место базирования группы, советую выбрать в тех зданиях, – он показал рукой на дома, что стояли у перрона чуть вдали от вокзала. – Саша пока останется с вами, поможет, всё объяснит... А вечером ко мне в «Тигину» с докладом и для получения задания. Задача ясна? – С сим Притула и ушел.

Задача вообще-то ясна, но, честно говоря, в головах у парней пока ещё была какая-то пустота...

Вот так, просто, и почти буднично, иркутские казаки из Усть-Илимска стали бойцами знаменитой 1-ой Тираспольской сотни Черноморского казачьего войска.

Бальбуциев состав групп быстро перетасовал. В усть-илимскую группу вошли двое казаков из «третьей иркутской»: Виталья Туманов, Толя Шихмин, и боец, которого дал Притула – одетый в черные батник и джинсы, толстяк-украинец с ухоженной прической длинных, густых и, словно смоль, черных волос. Представился он кратко: «Гриня. Кличут «Махно». Запорожский казак. Фамилию не скажу». В иркутскую же группу перешли Смолин и Куликов. Под «базу» выбрали трехэтажное административное здание со скромной вывеской у двери: «Станция Бендеры Молдавской железной дороги». На вокзале в «дежурке» нашли ключ лишь от входной двери, так что двери во внутренние помещения пришлось вскрывать «универсальным ключом Калашникова», а как это нужно делать, показал «Махно». Бальбуциев на ходу провёл краткий

инструктаж, для каждого распределил помещения – «это ваши позиции обороны», определил сектора наблюдения и обстрела.

Всем, чем только можно было и что под руку попало, быстро забаррикадировали запасной выход и окна первого этажа. Впрочем, начали располагаться.

...И все же, сознание, привыкшее к жизни и миру, помимо их воли продолжало бороться с этой жестокой реальностью, что всё это ненастоящее, что это происходит не со мной, что это всё какая-то нелепая детская игра в «войнушку». ...Вот сейчас подойдет кто-то и прекратит её. Но тот «кто-то» не подходил. Вместо него вдруг – очень неожиданно! - перед окнами метра в двадцати с грохотом и визгом вздрогнула земля! Раз, другой, третий!.. Со звоном посыпались стёкла. Минометный обстрел!

- Все по местам!!! – пронесся по этажам крик Бальбуцьева.

Где-то застрочили автоматы, со стороны вокзала подал свой баритон крупнокалиберный пулемет. Сквозь всю эту какофонию было слышно, как по стенам стучали пули, осколки... По этажам разлетелось клацанье затворов, топот ног... – так в жизни казаков станицы «Илимской» начался новый отчёт времени...

«Благословен Господь Бог мой, научай руце мои на ополчение, персты мои на брань. Милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защититель мой...»

Приднестровье: ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА. «Днестровская правда», 25 июня 1992г. N143 (7830).

«Бендеры. 23 июня в середине дня в городе наступило временное затишье: вступила в силу договоренность между исполкомом горсовета и отделением полиции о прекращении огня. Горожане хоронили убитых. Горсовет и исполком продолжают функционировать, создана чрезвычайная комиссия, намечены конкретные меры по защите города, наведению порядка.

Около полудня 24 июня начался минометно-артиллерийский обстрел. Количество жертв уточняется. Защитники Бендер полностью контролируют центральную и восточную части города. Варница находится под контролем формирований Молдовы. Южная окраина (шелковый комбинат) продолжает оставаться зоной противостояния».